ПРАГМАЛИНГВИСТИКА: ИСТОКИ, ЗАДАЧИ И ПЕРСПЕКТИВЫ

В.М. Шевцова, Москва

Современная прагматика языка (прагмалингвистика) не представляет собой единого течения с четко очерченными границами, она понимается широко - как исследование «поведения знаков в реальных процессах коммуникации» (Арутюнова, Падучева, 1985:4), отсюда и множество ее толкований: от самого обширного, что она представляет собой «не аспект лингвистического исследования», а «самую его сущность» (Булыгина, 1981:333), до узкого: «чистая» прагматика как изучение дейктических элементов в языке. Однако, к такому широкому толкованию прагматика шла постепенно, и сначала она была очень далека от исследования реального функционирования языковых знаков в реальной ситуации общения.

Как известно, термин *прагматика* появился в конце 30-х гг. как название одного из разделов семиотики и был введен Ч.Моррисом (Morris 1938), выделившим у знаков человеческого языка три аспекта: синтактика, изучающая «формальные отношения знаков друг к другу», семантика – «отношения знаков к их объектам», и прагматика – «отношения знаков к их интерпретаторам», то есть к действующим лицам процесса речи (цит. по: Моррис, 1983:42), причем все три взаимосвязаны и составляют как бы три стороны единого целого, треугольника. Позже, в конце 50-х гг. Ч.Моррис немного модифицировал это понятие, обозначив им исследование «образования, использования и воздействия знаков» (the origin, uses, and effects of signs – цит. по: Morris, 1971:218-219). Концепция Морриса была впоследствии развита в статье “Indexical Expressions” (1954) Бар-Хиллелом, который указал, что прагматика занимается индексными выражениями, то есть, словами или предложениями, значение которых может быть понято только в ситуации их употребления *(я, здесь, сейчас)*. Долгое время прагматика занималась только изучением индексных выражений, возникли попытки построить «чистую» или «формальную» прагматику, причем имелись в виду именно формальные языки, а не естественные языки в реальной ситуации общения.

Следующим этапом развития прагматики стало появление в конце 60-х гг. понятия речевого акта, связанное с логико-философской традицией интерпретации сущности языка как средства для достижения определенных целей в процессе межличностного взаимодействия (работы Остина, прагматическая теория значений и теория референции Линского, Серла, Стросона, теория импликатур и постулатов общения Грайса, Гордона, Лакоффа). Основная единица коммуникации в теории речевых актов – не само по себе предложение, а какое-либо речевое действие (утверждение, просьба, вопрос, извинение, поздравление). Речевой акт соединяет в себе три акта: локутивный, иллокутивный и перлокутивный. Локутивное значение и иллокутивная сила характеризуют речевой акт с содержательной точки зрения. Перолокутивный же акт – это воздействие на адресата посредством

высказывания, причем в центре внимания оказывается не понимание высказывания, а действие, изменение в состоянии и поведении адресата как достижение результата воздействия на говорящего. Впоследствии в прагматике возник термин *прагматический эффект*, сопоставимый с перлокутивным актом. Различие между ними состоит в разнице между воздействием как актом и воздействием как результатом акта. Перлокуция предполагает некий актовый процесс, в то время как прагматический эффект исключает процессуальность. Кроме исследования понятия речевого акта распространенным в прагматике является изучение косвенных смыслов, непрямых высказываний, когда за буквальным смыслом речи скрывается подтекст, нередко связанный с сознательным стремлением говорящего скрыть истинный смысл высказывания (см. Searle, 1975, Davison, 1975).

Однако, взяв за основу теорию речевых актов, прагматика начала развиваться в несколько ином направлении. Если сравнить теорию речевых актов и прагматику, то выявятся некоторые различия, отличающие одну область исследования от другой. В первую очередь, наблюдается разница в выборе языкового материала в качестве предмета исследования. Языковой материал теории речевых актов достаточно узок, авторы теории сосредоточивают внимание в основном на глаголах и глагольных сочетаниях. Объектом же рассмотрения прагматики является весь языковой материал, от отдельного слова до связного дискурса, причем практическая речь, тогда как теория речевых актов исследовала в основном придуманные, оторванные от реальной коммуникации примеры. Следующий аспект, заслуживающий внимания при сопоставлении теории речевых актов и прагматики – условие успешности. Авторы теории речевых актов считают, что «иллокутивный акт не может считаться благополучно, успешно осуществленным, если он не приводит к определенному результату», более того, «иллокутивный акт может состояться только тогда, когда нам удается воздействовать на аудиторию» (Остин, 1986:96). Таким образом, нет результата – нет самого процесса (акта). При прагматическом же подходе успешность коммуникации не выдвигается так явно, несмотря на целенаправленный характер процесса. Успешность в большей степени связана с воздейственной силой содержания, а само воздействие носит опосредованный характер. Следует отметить еще один момент. Речевой акт как минимальный отрезок процесса речевой деятельности, совершаемый говорящим по отношению к слушающему с определенной интенциональной целью (иллокутивной силой) и рассчитанный на перлокутивный эффект адресата (раздражение, испуг, убеждение, какой-либо поступок и т.д.), в конечном счете оказывается единицей односторонней, а значит, эксплицирует не только и не столько общение (двусторонний акт), сколько сообщение (однонаправленный, односторонний акт). Слабость данной теории с точки зрения коммуникативной лингвистики состоит в том, что здесь недооценивается влияние второй стороны на говорящего, субъекта речи («фактор адресата»).

Как видим, вначале прагматика шла по линии логической и философской интерпретации речевой деятельности и развилась из двух истоков: а) дейксис в формальных и естественных языках и б) теория речевых актов. Именно на союз, взаимодействие этих двух направлений указывает взгляд на прагматику Ю.С.Степанова, согласно которому «к прагматике относится функция локации (соотнесение говорящим используемых им знаков со своим «я» (1975:281). Поддерживает данную точку зрения и В.З.Демьянков, называя вид интерпретации прагматическим, «если он явно указывает: а) тип общения, в котором выражение может быть употреблено (при той или иной степени уместности) и б) локацию языковых выражений, входящих в высказывание» (1981:370).

Существенный вклад в разработку вопросов прагматики внесли Т.А. ван Дейк, Р.Сталнейкер, Л.Картунен, С.Ульманн, Дж. Лич, С.Левинсон, Х.Грайс, А.Канлош, Дж.Морган, Р.Карнап, Дж.Мак Коли, Дж.Катц, Р.Харвег, Н.Д.Арутюнова, Е.В.Падучева, Г.В.Колшанский, Т.В.Булыгина, Ю.С.Степанов и др. При этом стоит отметить, что основные идеи и теоретические положения прагматики были разработаны в конце прошлого века.

Поскольку основным материалом для прагматического наблюдения является практическая речь, слово *прагматический* часто применяют как синоним слова *коммуникативный*, и прагматику языка рассматривают как инструмент коммуникации, понятие прагматики при таком подходе полностью перекрывается понятием языковой коммуникации. Однако, несмотря на общность некоторых аспектов исследования, прагматика выводит на первый план преимущественно воздействующий аспект языковой коммуникации. В этой связи уместно напомнить высказывание А.А.Леонтьева (Вишналек, Леонтьев, Степанова, 1982:75) о том, что «общение может и не носить прагматического характера, а быть мотивировано иначе, …когнитивно, …эстетически и т.д.».

Как указывалось выше, многоаспектность исследований порождает многообразие определений прагматики. В зависимости от направленности своего исследовательского интереса ученые подчеркивают ту или иную особенность данной области лингвистики, выделяя ее в своем определении прагматики. При этом большинство исследователей указывают на непосредственную связь прагматических факторов исследуемого материала с семантическими. Мнение о неправомерности противопоставления прагматики и семантики звучит в работах М.Б.Бергельсон и А.Е.Кибрика (1981), Ю.Д.Апресяна (1988), Т.Г.Винокур (1993). Т.Г.Винокур, к примеру, определяет прагматику как «исследование семантики коммуникативной импликатуры языка в отношении к структуре общественной жизни, или, как сейчас принято говорить, к картине мира» (1993:22).

Практически все ученые указывают на необходимость учитывать социальный контекст речевой ситуации. Так, Т.А. ван Дейк, заключает, что «конечной целью прагматической теории языка является установление связи

между высказываниями (и, следовательно, грамматикой, с одной стороны, и различными видами взаимодействия (и, следовательно, социальными науками) – с другой» (ван Дейк, 1989:13-14). Дж. Лич также определяет прагматику как изучение значения относительно речевой ситуации, при этом он проводит строгое разграничение между значением в прагматике и значением в семантике. Значение в прагматике связывается с адресатом, в то время как значение в семантике абстрагируется от определенной ситуации и рассматривается в качестве принадлежности к системе (Leech, 1985:6). На связь с семантикой и ситуацией общения указывает и определение Т.В.Ерохиной, которая считает, что «прагматика изучает ту часть смыслового содержания высказывания, которая раскрывается на фоне реального общения, обусловленного экстралингвистически» (Ерохина, 1988:53). Ю.Д.Апресян понимает под прагматикой «закрепленное в языковой единице (лексеме, аффиксе, граммеме, синтаксической конструкции) отношение говорящего: 1) к действительности; 2) к содержанию сообщения; 3) к адресату» (Апресян, 1988:8).

Так сложился самый распространенный взгляд на прагматику как на систему средств и приемов, употребляемых автором высказывания для достижения своих целей: «для наилучшего выражения своей мысли или своего чувства», «для наилучшего воздействия на слушающего или читающего с целью убедить его, или взволновать и растрогать» (Степанов, 1981:325-326). Как следствие данного взгляда на прагматику – выдвижение на первый план субъекта речи, а также ситуации общения и фактора адресата, воспринимающего речь, поскольку для успешного влияния необходимо учитывать и тип адресата.

Следует отметить, что проблемы, которыми занимается прагматика, во многом схожи с областью исследований риторики, считающейся ее прародительницей. Говорить о размежевании между этими дисциплинами достаточно сложно. Здесь, по-видимому, можно отметить следующее: если риторика отдает предпочтение самой речи, ее форме, то прагматика в большей мере учитывает контекст, коммуникативную ситуацию, пресуппозиции (социальные и когнитивные факторы). В дихотомии формы и содержания прагматика отдает предпочтение содержанию, а риторика – форме.

Говоря о прагматике, ее целях и задачах, стоит затронуть еще один вопрос: какова минимальная языковая единица, исследуемая в прагматике? Существуют различные точки зрения относительно этого вопроса. Как уже упоминалось, на этапе становления прагматики ученые, описывая условия и правила успешной коммуникации, исследовали отдельные высказывания. В предмет рассмотрения включались такие вопросы, как коммуникативные типы предложений (сообщение, вопрос, побуждение), их функциональная взаимозаменяемость (проблемы косвенных речевых актов, иллокутивные типы высказываний), проблемы модальности, некоторых вторичных функций, морфологических категорий.

В конце 70-х – нач. 80-х гг. в отечественной и зарубежной лингвистике стали появляться работы, описывающие прагматические отношения высказываний в тексте. До этого в центре внимания теории текста были его «анатомия», свойства и, особенно, внутренние связи. Он рассматривался как статическая, нерасчлененная во времени единица, предметом изучения являлась микроструктура, абстрагированная от условий коммуникации. Прагматический аспект стал выделяться с возникновением функционального подхода к тексту. Подчеркивая функциональную сущность текста, лингвисты определяют его как «результат речетворческого процесса» (Гальперин, 1981:5), «коммуникативную единицу самого высокого уровня, обслуживающую различные сферы жизни общества» (Москальская, 1980:33), «язык в действии» (Хэллидей, 1978:142), «порождение коммуникативно-познавательной деятельности, ее образ и продукт» (Дридзе, 1984:70). Представление текста как инструмента коммуникации связано с исследованием не только внутренней, но и внешней его организации, изучением экстралингвистических факторов, прагматических свойств, их влиянием на внутреннюю организацию, место и роль текста в коммуникативном процессе, что позволило заключить, что «an adequate account of texts as forms of communicative strategies can only be given if text grammar contains a pragmatic component» (Verdaasdonk, 1976:181).

Именно функциональный подход к тексту определил выдвижение в лингвистике на первый план понятия дискурс, определяемой как «речь, погруженную в жизнь» (Арутюнова, 1990:137), «текст в его динамике» (Степанов, 1981:332). Лингвистика последних десятилетий так или иначе развивает эту мысль, определяя дискурс как социальное событие, динамический процесс текстопорождения, а текст – статическое проявление этого процесса (см., например, А.А. Кибрик, В.А. Плунгян, 2010). Возможно, наибольшие сложности при анализе дискурса возникают именно из-за того, что он обращен к ментальным процессам: «Одной своей стороной дискурс обращен к прагматической ситуации… Другой своей стороной дискурс обращен к ментальным процессам участников коммуникации» (Арутюнова, 1990:137). Таким образом, в отличие от текста или речи дискурс включает понятие сознания, то есть, когнитивные механизмы деятельности. Поэтому при анализе дискурса на первый план выдвигается именно прагматико-когнитивный подход, рассматривающий его как в терминах речевых актов и речевых событий, анализирующих при этом собственно языковые его свойства вместе с соответствующими экстралингвистическими аспектами, с одной стороны, так и описание структур представления различных видов знания, определяющих речевые стратегии участников коммуникации в процессе их дискурсивной деятельности, с другой стороны. Этот подход привел к тому, что в современных прагматических исследованиях учитываются ментальные процессы участников коммуникации: этнические, психологические, социокультурные стереотипы и установки, исследуются стратегии понимания и порождения речи, определяющие при необходимости

темп речи, степень ее связности, соотношение общего и конкретного, нового и уже известного, субъективного и общепринятого, эксплицитного и имплицитного.

Итак, прагмалингвистика, зародившись в логико-философских исследованиях языка, аккумулировала в себе многие достижения риторики, стилистики, теории текста, социо- и психолингвистики и превратилась в самостоятельную бурно развивающуюся область лингвистики, при этом продолжая активное сотрудничество с другими ее областями. Вопросы, затрагиваемые прагматикой, очень актуальны в современной когнитивной лингвистике, изучающей ментальные процессы порождения и восприятия речевого высказывания и функционирования дискурса в реальной ситуации общения. Невозможно также переоценить роль прагматики в узконаправленных исследованиях в сфере коммуникативных технологий: проблемы коммуникативной эффективности, public relations, рекламы, речевого этикета, теории и практики перевода и т.д. Прагматике, несомненно, предстоит долгая жизнь в науке, и, исходя из постулата о сущности прагматики как выборе средств для достижения определенных целей в процессе коммуникации, она всегда будет интересна не только исследователям языка, но и специалистам в других гуманитарных сферах деятельности.

Список литературы:

1. Апресян Ю.Д. Прагматическая информация для толкового словаря. // Прагматика и проблемы интенсиональности. – М.: Ин-т яз-я АН СССР, 1988. – С.7-44.
2. Арутюнова Н.Д. Дискурс. // Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1990. – С.136-137.
3. Арутюнова Н.Д., Падучева Е.В. Истоки, проблемы и категории прагматики. (Вступит. статья) // НЗЛ. Вып. 16. Лингвистическая прагматика. – М.: Прогресс, 1985. – С.3-42.
4. Бергельсон .М.Б., Кибрик А.Е. Прагматический «принцип приоритета» и его отражение в грамматике языка. // Изв. АН СССР, СЛЯ. – Т. 40. – М., 1981. - №4. – С. 343-355.
5. Булыгина Т.В. О границах содержания прагматики. // Изв. АН СССР, СЛЯ. – Т. 40. – М., 1981. - №4. – С. 333-342.
6. Винокур Т.Г. Говорящий и слушающий. Варианты речевого поведения. – М.: Наука, 1993. – 172 с.
7. Виншалек А., Леонтьев А.А., Степанова Л.В. Научные основы принципа активной коммуникативности. // Современное состояние и основные проблемы изучения и преподавания русского языка и литературы. МАПРЯЛ. Доклады советской делегации. – М., 1982. – С.72-80.

8. Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования. – М.: Наука, 1981. – 139с.
9. Дейк Т.А. ван. Язык. Познание. Коммуникация. – М.: Прогресс, 1989. – 312 с.
10. Демьянков В.З. Прагматические аспекты интерпретации высказывания. // Изв. АН СССР, СЛЯ. – Т.40. – М., 1981. - №4. – С.368-377.
11. Дридзе Т.М. Текстовая деятельность в структуре социальной коммуникации. – М.: Наука, 1984. – 268 с.
12. Ерохина Т.В. Семантико-прагматический потенциал некоторых структурных типов высказывания в современном английском языке. // Текст в функционально-стилевом аспекте. Тр. МГПИИЯ им. М. Тореза. – Вып. 309. – М., 1988. С. 53-57.
13. Кибрик А.А., Плунгян В.А. Функционализм. // Современная американская лингвистика: фундаментальные направления. М., 2010. – С.276-339.
14. Моррис Ч.У. Основания теории знаков. // Семантика. М.: Прогресс, 1983. – С. 37-89.
15. Москальская О.И. Семантика текста // ВЯ. – М., 1980. - №6. – С. 32-42.
16. Остин Дж. Слово как действие. // НЗЛ. Вып. XVII. Теория речевых актов. – М.: Прогресс, 1986. – С.22-129.
17. Степанов Ю.С. Имена. Предикаты. Предложения. Семиологическая грамматика. – М.: Наука, 1981. – 360 с.
18. Степанов Ю.С. Методы и принципы современной лингвистики. – М.: Наука, 1975. – 311с.
19. Хэллидей М.А.К. Место «функциональной перспективы предложения» в системе лингвистического описания. // НЗЛ. Вып. VIII. Лингвистика текста. – М.: Прогресс, 1978. – С.138-148.
20. Bar-Hillel Y. Indexical Expressions. // Mind, 1954. – Vol. 63. – P. 359-379.
21. Davison A. Indirect Speech Acts and What to Do with Them. // Syntax and Semantics. – Vol. 3. – Speech Acts. N.Y., 1975. – P. 142-185.
22. Leech G. Principles of Pragmatics. – Lnd., N.Y.: Longman, 1985. – 250 p.
23. Morris C.W. Writings on the General Theory of Signs. – The Hague, 1971. – 486p.
24. Searle J. Indirect Speech Acts // Syntax and Semantics. – Vol. 3. Speech Acts. – N.Y., etc.: Academic Press, 1975. – P. 59-82.
25. Verdaansdonk H. Concepts of Acceptance and the Basis of a Theory of Texts. // Pragmatics of Language and Literature. Ed. v. Dijk. – Amsterdam, 1976. – P.179-225.